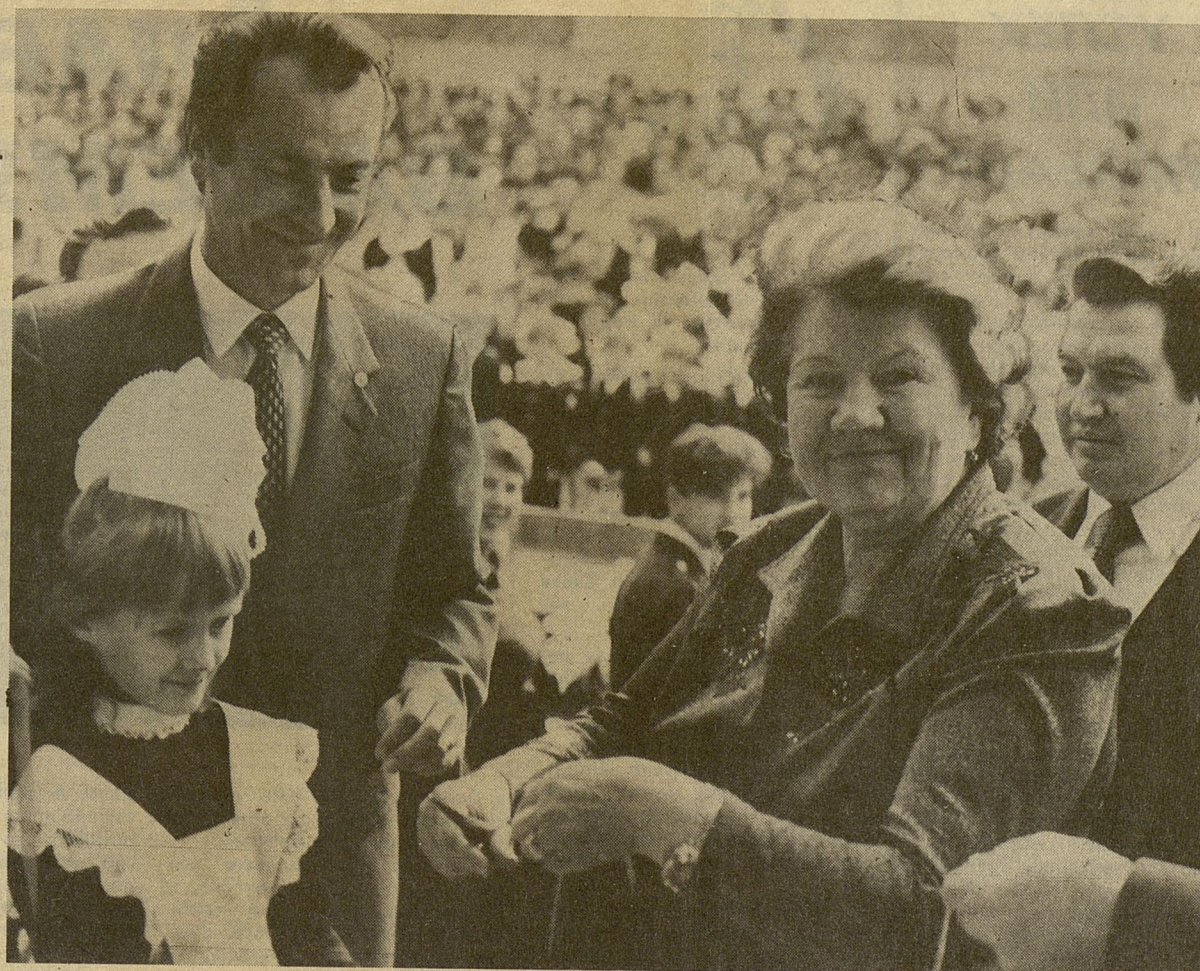

Появилась донья Эухения — и грянула буря аплодисментов. В этот вечер в спектакле Театра Российской Армии «Дерева умирают стоя» ее играла Нина Афанасьевна Сазонова. Отмечалось 60-летие творческой деятельности этой актрисы, но в это верилось с трудом — особенно после того, как почтенная синьора в спектакле пустилась в пляс под звуки испанской мелодии, а после, лихо поводя плечами, танцевала под мелодии цыганские вместе с пришедшими поздравить ее артистами театра «Ромэн». Много прекрасных слов было о ней сказано деятелями искусства. Первую большую роль Сазонова сыграла еще студенткой. Однако сама Нина Афанасьевна склонна считать, что ее сценическая карьера началась с «Колобка», поставленного силами начальных классов родной школы (г. Кимры). Она переиграла всех героев, включая главного! А став старшеклассницей, узнала, что объявлен набор на актерский курс при Театре Красной Армии. Так определилась цель. Нина уехала в Москву. С ней вместе учились Андрей Попов, Николай Гриценко.

ОТ КОЛОБКА ДО ИМПЕРАТРИЦЫ

— Мы работали тогда в зале Центрального дома Красной Армии, — вспоминает Нина Афанасьевна. — Очень много ездили с концертами по воинским частям. Игнали отрывки из спектаклей, пели, «дробушечку» били. Хорошо получалось, всегда на «бис» принимали. Молодые были, веселые, все легко удавалось.

Перед самой войной переехали в новое здание. Оно было огромное. И площадь перед театром — огромная. Это сейчас все перекрыто, перекопано, тогда такого не было. Сцена в театре тоже огромная. Поначалу казалось, что я на ней потеряюсь — не видно, не слышно. Но ничего, освоились. Алексей Дмитриевич Попов, великий педагог, лепил из нас артистов. И мудро, и строго. Сейчас говорят: не нужна дисциплина. А что в ней плохого? Что плохого, если артист не опаздывает на репетиции, не заставляет ждать себя, если он приходит, зная текст и, самое главное, желая работать, а не строить из себя везунка? Мы с первого курса играли в массовках и не считали, что нас ущемляют, зажимают. Может быть, потому, что Попов добивался, чтобы каждого было «видно и слышно». Такой каши во рту, которую позволя-

ют себе сейчас некоторые, он не терпел.

Наши педагоги были очень требовательны, небрежности не прощали. Помню, как занималась с нами Н. А. Ольшешская. С ее сыном, Лешей Баталовым, я играла потом в спектакле, который она поставила в нашем театре. В доме Нины Антоновны я познакомилась с Анной Андреевной Ахматовой. Бывали у нее Лидия Русланова, Иван Семенович Козловский... Помню, как красиво на встрече Нового года они пели дуэтом.

Потом я совершенно случайно встретила Ивана Семеновича на его родине, на Украине. Мы были на съемках в Киеве и плыли на пароходе. Вечерело. Солнце садилось, а он стоял на палубе и пел. Я набралась смелости, подошла сбоку и начала подпевать. Он обернулся, а был он высокий, наклонился ко мне и улыбается: «Это кто мне тут вторит?»

— Нина Афанасьевна, а петь вы где учились?

— На коленях у папы. Нас в семье было пять душ детей, пели все, брат Коля играл на баяне, папа и Боря — на скрипке. Боря потом был скрипачом в оркестре Большого театра! Меня, самую маленькую, папа брал на руки и гово-

рил: «Ниночка, у тебя голос — альт, ты должна подождать, когда мама и Сима начнут петь, и тогда вступай». Жили мы на Волге, в Кимрах. Как праздник — гулянья на берегу, все жители выходили и пели. С детства знаю много народных песен, а уж частушек — не перечить.

— Вы всю войну ездили по фронтам с концертными бригадами. А самый первый военный концерт помните?

— Разве это забудешь? Но он, самый первый, был еще в Москве. Мы, артисты, пришли на Белорусский вокзал вместе с главным режиссером. А там в зале все по стеночкам стоят, прощаются с солдатами: матери, сестры, жены. Я спрашиваю у Попова: «Алексей Дмитриевич, может, сейчас не надо песен да частушек?». Он отвечает: «Надо, надо». И мы начали концерт. Люди оглядывались, но с мест не двигались. Так мы одни посреди зала и стояли, пока я не запела: «Шел со службы пограничник». К нам потянулись, окружили нас, стали просить: кто «Тройку», кто «Страдания». Мы и пели, и «дробушечку» били, и частушки выводили. А когда прозвучала команда: «По вагонам!» — один солдат затянул: «Шел со службы по-

граничник». Эшелон уходил, голос парня затихал, а Попов, наклонившись ко мне, тихо сказал: «А ты сомневалась, надо ли? Они с твоей песней и уехали».

Во время войны театр находился в Свердловске. Оттуда регулярно и отправлялись на фронт концертные бригады. Однажды та, где была Сазонова, попала в окружение. Выходили долго, очень тяжело, теряя надежду. До театра вообще никаких известий не доходило, и уже все отчаялись, только «кадровичка» Надежда Ревенко, которая не поехала в эвакуацию и оставалась на своем рабочем месте, в маленькой комнатке театра, верила, что Ниночка жива. Незадолго до этого она начала вязать своей любимице свитер и всем говорила: «Нина вернется — я как раз закончу». Когда Нину, похудевшую, осунувшуюся, привезли в Москву, Надежда в первый момент ее не узнала. Потом обе долго стояли, обнявшись, и плакали — ведь этой встречи могло и не быть. А скоро Сазонова (уже в новом теплом свитере) опять уехала на фронт.

— Нина Афанасьевна, ваших фильмов и не перечтешь. С чего это начиналось?

— С глубокого огорчения. Получив впервые приглашение, я летела на крыльях. Сообщила Попову, а он прочел сценарий и отсоветовал: «Ты обязательно будешь сниматься, но тебе нужно прийти в кино со знанием женских судеб. Пока над их горестями не поплачешь, пока не посмеешься с ними вместе, они тебе души не откроют и ничего ты не сможешь понять, а уж тем более сыграть». Я Алексею Дмитриевичу очень верила и отказалась от своей первой роли. И с тех пор очень внимательно приглядываюсь к женщинам. Попала я как-то на сельскую свадьбу. И обратила внимание на одну женщину. Праксовей звали. И не молодая уже, но и не старая, а одна. В деревню после войны четыре мужика вернулись, все уже женатые. И вот живет она, и так хочется семейного счастья, да где же его взять? Грустная на чужой свадьбе сидела. А наутро — иду мимо хаты, а Праксовья у раскрытого окошка строчит что-то на машинке и песню напевает. Я почему-то ее так хорошо запомнила!..

— И потом пригодилось?

— Да, в фильме «Живет такой парень». Только звали ее Анисья. Шукшин очень хо-

тел сделать ее старухой. Я его убедила, что она должна быть среднего возраста. Стали репетировать эпизод. Я попросила швейную машинку, уселась поудобнее... Так что Праксовья со своей песней, сама того не зная, стала прототипом моей героини.

На съемках произошел забавный случай. Пришел к моей Анисье мужчина свататься. Она его угощает, беседуют потихоньку. Но вот текст уже кончился, а команды «стоп» нет и нет. И тогда я его возьми и спроси: «Вы вообще-то водочку уважаете?». Мой партнер подыграл — взял рюмку: «Конечно», — ответил. Посмотрел на меня, и, видно, у меня на лице было такое огорчение! Мол, возмешь его в дом, а он пьет, лучше уж никакого мужа, чем пьяница... И он тут же добавил торпливо: «Только по праздникам». Тут прозвучала команда «стоп!», да оператор все равно уже больше снимать бы не смог, потому что трясся от хохота. Подошел Шукшин, тоже сквозь смех похвалил: «Я бы такое не придумал». Этот эпизод с моей импровизацией и вошел в фильм.

— Все сыгранные вами женщины настолько ВАШИ, что других актрис и представить в этих ролях трудно. Вас без проб берут?

— Всяко бывало. Был слу-

ило мне появиться на площадке, он радостно восклицал: «Моя Ниночка пришла, ну теперь все будет хорошо». Потрясающий артист. До начала съемок он мог шутить, рассказывать анекдоты, но перед камерой, вернее, за те несколько шагов, что он до нее делал, Грибов преображался, на глазах превращаясь в героя, простого таксиста.

— Вы тоже в основном простых женщин играли. Но есть ведь и совершенно отличная от них героиня — Екатерина II в спектакле «Имя странного Потемкина».

— Ой! И не говорите! Режиссеру все в один голос твердили: какая из нее императрица? Потом мне предлагали сделать грим, подчеркнуть акцент, но я от всего отказалась. Что самое интересное: после выхода спектакля не было ни одной отрицательной рецензии, все признали «мою» Екатерину.

— Нина Афанасьевна, говорят, вы позже всех уходите из театра!

— Это верно. Не могу с бухты-барахты ни выскочить на сцену, ни уйти с нее. После спектакля люблю медленно обойти сцену, благо, она большая, пока идешь, всю роль заново в голове проиграть можно, в гримерную, посижу, отдохну. Коллеги не дадут соврать — ни разу не бросила как попало костюмы. Всегда повешу на вешалку. Мои педагоги учили меня уважать место, где ты служишь.

— Правда ли, что сама Людмила Зыкина не захотела после вас петь «Ромашки спрятались»?

— Правда. Она об этом даже, по-моему, в своей книжке написала. Да, вот так вышло, что фильм «Моя улица» не назовешь особо популярным, а песня из него осталась.

— Нина Афанасьевна, молодым вы часто замечания делаете?

— Нет, я вообще-то не ворчу, такого греха за собой не замечаю. Но однажды не смогла удержаться. Иду по улице, а впереди меня четыре парня, хорошо одетые, о чем-то оживленно разговаривают и через каждое слово — мат, как присказка. Я их остановила и говорю: «Как же вам не стыдно, каким же языком вы разговариваете?». Говорю, а сама думаю: «Сейчас они мне как раз на этом языке так ответят, так пошлют!». Но, как ни странно, они смутились, извинились. И я с ними до метро дошла, мирно беседуя на нормальном русском языке.

— Напоследок — бытовой вопрос: в вашем доме по праздникам пахнет пирогами?

— А как же! С капустой, с яблоками. А я еще и щей с грибами наварю. Все жалею, что ватрушки, какие моя мама готовила, у меня не получаются.

Татьяна ПЕТРЕНКО.